

Университет и город: геокультурная миссия. Экспертное интервью

Д. Н. Замятин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
dzamyatin@hse.ru

С. С. Аванесов

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия
iskiteam@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

город
пространство
ландшафт
территория
локальная культура
геокультура
Россия
культурный код
университет

АННОТАЦИЯ

Экспертное интервью посвящено обсуждению проблем соотношения территории и пространства в культурном опыте человека, а также определению места и роли университета в сохранении и трансляции культурного наследия города и региона. Географическое место характеризуется в качестве объективной константы, пространство же формируется в результате социокультурной деятельности человека и потому всегда динамично, перспективно. При этом ландшафт и культура оказывают влияние друг на друга; в контексте такого взаимного влияния можно говорить о существовании различных геокультур. Традиции геокультур способны перемещаться вместе с их носителями, а сами культуры открыты для влияний извне и для внутренних трансформаций. Эти тенденции особенно характерны для России как большого культурного пространства. Локальная идентичность основана на полноте чувства присутствия человека в определённой геокультуре, в культурном пространстве определённого города. Университет способен транслировать во времени конкретную локальную идентичность, выраженную в том числе и в пространственной организации городского ландшафта. Миссия современного университета должна заключаться именно в сохранении городского культурного кода, лежащего в основе геокультурного своеобразия территории.

Для цитирования:

Замятин, Д. Н., & Аванесов, С. С. (2024). Университет и город: геокультурная миссия. Экспертное интервью. *Urbis et Orbis. Микростория и семиотика города*, 4(2), 201–216. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-201-216](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-201-216)

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

The university and the city: A geo-cultural mission.

Expert interview

Dmitry Zamyatin

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia
dzamyatin@hse.ru

Sergey Avanesov

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
iskiteam@yandex.ru

KEYWORDS

city
space
landscape
territory
local culture
geoculture
Russia
cultural code
university

ABSTRACT

The expert interview is devoted to discussing the problems of correlation of territory and space in personal cultural experience, and to determining the place and role of the university in preserving and translating the cultural heritage of the city and the region. A geographical location is characterized as an objective constant, while space is formed by human cultural activity and therefore is always dynamic and prospective. At the same time, landscape and culture influence each other; the context of such mutual influence gives way to discussing the existence of different geocultures. The traditions of geocultures are able to shift together with their carriers, while cultures are open to external influences and internal transformations. These trends characterize Russia as a large cultural space. Local identity is based on the completeness of a personal sense of being in a certain geoculture, in the cultural space of a certain city. The university can transmit in time specific local identity, which is expressed, among other things, in the spatial organization of the urban landscape. To preserve the urban cultural code that underlies the geocultural originality of the territory should become the mission of university today.

For citation:

Zamyatin, D. N., & Avanesov, S. S. (2024). The university and the city: A geo-cultural mission. Expert interview. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 4(2), 201–216. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-201-216](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-201-216)

Funding:

The research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

С. С. Аванесов: Дмитрий Николаевич Замятин, доктор культурологии, главный научный сотрудник факультета городского и регионального развития Высшей школы урбанистики Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Добрый день, Дмитрий Николаевич!

Д. Н. Замятин: Добрый день, Сергей Сергеевич! Рад нашей встрече.

С. С. Аванесов: Взаимно. Давайте поговорим с Вами о том, что и нас интересует, и Вам близко. Первый вопрос, который я хотел бы вам задать: чем, на Ваш взгляд, пространство отличается от места или территории? Дело в том, что и в обыденной речи, и в журналистском дискурсе очень часто эти слова меняются местами, употребляются как синонимы, через запятую и так далее. Но вот с точки зрения культурной географии, культурологии в целом, как бы мы её ни понимали, отличается ли пространство, как место обитания человека, от того, что мы называем просто местом или территорией? Как вы считаете, можно ли их терминологически развести и почему?

Д. Н. Замятин: Да, они довольно серьёзно разводятся в культурной географии, вообще в географии. Имеется обширная история формирования понятий, их соотношений. Последние версии связаны с тем, что пространство – это некая, грубо говоря, неосвоенная территория, или слабо освоенная. То есть это то, что мы слабо себе представляем, то, что, так сказать, вокруг нас есть, и мы пока не знаем, что с этим делать. У нас нет там ни траекторий, ни путей, ни остановок, ни каких-то поселений и так далее.

Место – это то, что уже полностью освоено. То, что стало моим, вашим, чьим-то, которое мы чётко себе представляем. Некая имманентность достигнута с этой ситуацией. Есть триада «пространство, место, ландшафт». Считается (по крайней мере, с одной точки зрения), что ландшафт – это некая внешняя точка зрения на место. Когда человек приезжает в какое-то известное место, у него есть такой внешний образ, и ему этого достаточно. Но это точка зрения внешнего наблюдателя. В принципе, эта точка зрения принята в западной культурной географии и часто излагается в студенческих, аспирантских пособиях.

Я могу не соглашаться с этим, поскольку для меня пространство (наряду с местом) – краеугольная вещь, очень важная. Во многих своих работах я, так сказать, акцентирую именно понятие пространства. Почему мне это важно? Дело в том, что место обладает определённой ограниченностью, пространство же всегда имеет потенциал развития, потенциал образных представлений о нём. Для меня данный аспект важен, и в этом смысле я считаю, что пространство ценно для человека тем, что оно сохраняет для него варианты развития, варианты какой-то динамики, тогда как место может быть достаточно статичным, устоявшимся, люди живут там из года в год, из века в век; и вот это часто накладывает какие-то ограничения, ставит какие-то консервативные рамки для развития.

С. С. Аванесов: Можно ли сказать, что место – это, скорее, что-то близкое к константе, пространство – это некая переменная, поскольку оно всегда как бы не закончено, всегда имеет потенциал и, соответственно, имеет перспективу трансформации, различного наполнения, сгущения, разрежения? Можно ли так считать?

Д. Н. Замятин: Да, я думаю, всё верно. Ваша интерпретация абсолютно верна, да. То есть, грубо говоря, всегда, с моей точки зрения, должно быть какое-то балансирование, некая неравномерная динамика. Бывают люди, как мы видим, абсолютно местные, например, какой-нибудь человек в деревне: прожил там всю

жизнь, один раз выезжал в райцентр. Это у человека его место. У этого есть свои плюсы и минусы. Но, с другой стороны, бывает, что человек становится, так сказать, кочевым (цифровые кочевники и проч.). Такие люди «сдвинуты» в сторону пространства, постоянного передвижения, переезда с места на место; естественно, в какие-то моменты они останавливаются и где-то живут, а потом переезжают. Это современная ситуация, даже постсовременная ситуация: неравномерная динамика и балансирование пространства и места, как мне представляется.

С. С. Аванесов: Насколько пространство, на Ваш взгляд, имеет культурное или даже антропологическое содержание? Вот Вы сказали о кочевниках, а они существуют, условно говоря, в очень больших пространствах, и для них это «естественная» среда обитания – эти пространства соответствуют их культурному типу, менталитету и опыту. Но если поместить в это же пространство человека, привыкшего жить в маленьком, тесном городе, в европейском каком-нибудь городе, то он совершенно иначе будет переживать это пространство. Оно войдёт в его мироощущение совершенно другим опытом, совершенно другим феноменом. Это будет, например, потерянности, тоска. Это пространство будет его выталкивать, и он от него будет отгораживаться. В то время как кочевник относится к этому иначе: это, наоборот, всё его, это та территория, на которой он сам существует, делая её своим жизненным пространством. Вот это человеческое измерение пространства имеет значение для культуролога?

Д. Н. Замятин: Конечно, конечно. Я вспоминаю свой опыт составления небольшой хрестоматии «Пространства России» в начале 1990-х годов. Так вот, собственно, этот образ огромного пространства России возникает первоначально не в самой России. Он возникает в результате рецепции извне. Этот образ мы встречаем в трудах европейских путешественников, начиная с записок Плано Карпини (это ещё XIII век); но в основном это начинается с XV века; с этого времени, собственно, идёт череда трудов иностранцев, которые побывали в России. И они описывают её со своей точки зрения. И повторяются одни и те же образы: ужас перед огромным безлюдным пространством, холод, ни городов, ничего.

С. С. Аванесов: Белая пустыня.

Д. Н. Замятин: Да, белая пустыня. И это транслируется вплоть до XIX века, когда это всё ещё влиятельный образ. Естественно, он постепенно убывает, слабеет. Но вот в XVIII веке постпетровская Россия уже начинала сама создавать собственные риторические пространства, высказываясь по поводу собственной огромной территории, и она при этом заимствует этот самый дискурс. Так, собственно, происходит весь XVIII век. Наши знаменитые поэты восхищаются Елизаветой, Екатериной и при этом используют образ огромности пространств России. Они просто заимствуют европейский дискурс, который, в принципе, переходит затем и в XIX век и даже воспроизводится в текстах наших философов Серебряного века. Хотя, казалось бы, при их-то философском арсенале можно было как-то иначе построить этот дискурс. Однако они его усвоили и воспроизвели даже в начале XX века.

Это к вопросу о том, что, действительно, человек связан с местом. Я называю это геокультурой. Есть какие-то европейские локальные геокультуры, очень интересные: романские, германские и так далее. Есть российские – тоже немножко разные, в зависимости от регионов. Геокультура не то чтобы диктует взгляды, но даёт вариативность. Эта вариативность связана и с различными взглядами на другие

территории, на другие места. Вы правильно сказали по поводу кочевников, потому что для кочевников это на самом деле пространство освоенное. Другими словами, они живут традиционно циклически: кочевники переходят по территории с места на место: степь, пустыня, горы и так далее. Это цикл связанный, собственно, с выпасом.

С. С. Аванесов: Очень важное и, наверное, какое-то экзистенциальное переживание. То есть моё – это там, где я бываю. А другой тип переживания: моё – это там, где я нахожусь. Поскольку кочевник бывал где-то там, на огромной периферии этого огромного пространства, он считает его освоенным. А человек неномадического склада считает своим только то, где он находится стабильно.

Д. Н. Замятин: Согласен. В одной из своих работ я ввёл понятие постномадизма, уже связанное с современной человеческой ситуацией. Постномадизм, как мне представляется, создаёт разрыв между традиционным пониманием номадизма и ситуацией постсовременности. Дело в том, что традиционные номады всё же были ограничены в своих кочеваниях. С моей точки зрения, постномадическая ситуация состоит в том, что сейчас люди заранее пытаются создавать такие зоны перцепции, благодаря которым они принимают другие территории в качестве потенциально своих. И им это важно, поскольку они не планируют жить всё время в одном месте. Для молодёжи это характерно. В такой ситуации человек иначе создаёт свои пространства и свои места. То есть идёт огромный разрыв с прежним человеческим опытом, и он продолжается уже довольно долго, лет 50–70. И он, в общем, достаточно тяжёл.

С. С. Аванесов: Поскольку у нас зашла речь о пространстве России, можно обсудить вот что. Довольно парадоксальная ситуация, на мой взгляд, состоит в том, что мы вообще можем говорить о пространстве России, которое огромно даже чисто географически, не говоря уже о культурно-исторических различиях. В то же время русский, российский менталитет вряд ли можно назвать номадическим. Как можно понимать вот это российское пространство в виде какого-то единства? Или тут вообще нет никакого единства и никакие скрепы искать не нужно? Иначе говоря, народ, не являющийся номадическим, считает своими огромные пространства, которые, в общем, довольно слабо заселены. Как нам понимать, что из себя представляет пространство России?

Д. Н. Замятин: Ну, это сложный вопрос. Я считаю, что не бывает вечного единства. Например, была Римская империя, да, она была единая.

С. С. Аванесов: Pax Romana.

Д. Н. Замятин: Да, Pax Romana. Если ты римский гражданин, то ты присутствуешь в единой империи, где бы ты ни находился: и в Сирии, и в Испании, где угодно. Но она исчезла. Так же, как и Византия. Вечных пространств в этом смысле нет. В таком плане Россия тоже не вечна. Но в России действительно есть такая особенность, на которой основана значительная часть российских территориальных, локальных сообществ. Есть такие геокультурные особенности, которые связаны с тем, что люди привыкли к частым перемещениям, даже в деревне; такой как бы пара-номадический менталитет, различающийся, конечно, в зависимости от конкретной территории. Он означает, что история страны и культуры так или иначе связана с рассеянием, с огромным количеством переселений (и на границах, и внутри территории), в том числе и насильственных. Понятно, что для многих это, наверное, очень печальная история: человек предполагает, что он где-то тут живёт,

но к нему завтра постучат и скажут: либо переезжайте, либо мы вас сопроводим, куда следует.

С. С. Аванесов: На выход с вещами, да?

Д. Н. Замятин: Да. Поэтому такой менталитет – он обоюдоострый.

С. С. Аванесов: Двуслойный, скажем.

Д. Н. Замятин: Да. То есть человек готов к перемещению и по своей воле, и не по своей воле. Человек предполагает... Но, в принципе, он готов к такому внезапному перемещению.

С. С. Аванесов: Интересная выходит схема. То есть получается, что история или судьба русского народа приучила людей к тому, что они, не являясь номадическим сообществом по своему менталитету, по укладу и так далее, тем не менее готовы, если так распорядится судьба, переместиться в какое-то новое место, освоить совершенно новое пространство и там оставаться столь же оседлыми жителями, как и прежде. Вот эту готовность претерпеть перемещение и освоить новое пространство можно ли считать какой-то сложившейся на сегодняшний день национальной чертой, исторической чертой народа?

Д. Н. Замятин: Ну, да. Я считаю, что это характерно даже вне этнических измерений, и это очень важно. К примеру, те же самые украинцы создали огромную диаспору на Дальнем Востоке в пору переселений конца XIX – начала XX века. И в основном они осваивали Дальний Восток. Или я встречаю, к примеру, на Урале украинцев в маленьком городке. Они – наши люди абсолютно, в силу того что они тоже переезжали, то есть их менталитет не особо отличен от нашего, по крайней мере, был. И точно так же у других народов: татары, башкиры, даже народы Северного Кавказа, которые на нефтяных месторождениях Севера работают, уже поколения там живут. И, в общем, оказывается, что даже здесь не этнические различия важны, а то, что складываются определённые геокультуры, которые готовы к переездам, к новым освоениям и переосвоениям территорий. В истории России часто такие переосвоения происходят. Что-то заканчивается, останавливается, разрушается, затем новый цикл приходит. И очень часто поселения, воспринимавшиеся как недолговечные, воспроизводятся вновь.

Северная Евразия, которую я изучаю, – это ядро России. В принципе, есть такие специфические геокультурные ритмы, которые характерны именно для этой огромной территории. Но внутри этого региона есть очень разные локальные геокультуры. Для меня геокультура – ключевое слово. И там, где мы говорим о культуре, я всё время говорю о геокультуре, потому что не бывает культуры вообще. Есть американская культура, есть тосканская культура, есть культура московская. Я называю это геокulturой. Внутри огромного мегаполиса, я считаю, присутствует множество геокultur. Та же Москва, которую практически невозможно объять целиком, – это просто уже не город, это какой-то постгород мирового масштаба. Соответственно, там огромное количество геокultur, которые квалифицируются по этническим признакам, но не только.

С. С. Аванесов: Тогда напрашивается вопрос о самом понятии геокультуры и даже о проблеме, связанной с этим понятием. Мы привыкли считать, что этническая (этнокультурная) идентичность так или иначе связана с каким-то географическим ареалом, со своей землёй, землёй предков и так далее. Но получается, что этнос может полностью или частично перемещаться в географическом пространстве и как бы переносить с собой этнические и культурные признаки на совершенно

другую землю, на совершенно другую территорию. Тогда локальная привязка культуры в какой степени является условной? Вот моя земля. Но если я, скажем, переселился из Армении куда-нибудь в Нижневартовск, и нас много таких переселилось, и там возникла устойчивая диаспора со всей своей этнической, культурной идентичностью, то получается, что не очень-то эта культура привязана к месту, к своей земле. Она может путешествовать, перемещаться по поверхности Земли, распространяться, занимать какие-то, условно говоря, до тех пор чужие территории.

Д. Н. Замятин: Это так, да. В одной из своих работ я пытаюсь моделировать для себя взаимодействие ландшафта и геокультуры. Что такое геокультуры? В основном это человеческие сообщества, которые на определённой территории сохраняют свои установки, традиции, мировоззрение, дискурсы и так далее. Но когда геокультура (или её фрагменты) перемещается на новую территорию, она вступает в чужой культурный ландшафт. Она сама меняется, но при этом начинает переосваивать часть чужого ландшафта. И ландшафт в целом поэтому тоже меняется, а поскольку на одной территории могли работать разные этнические диаспоры (допустим, на добыче нефти), то возникает очень фрагментированный ландшафт, с разными локальными особенностями. И формируется фрагментированный ландшафт, не целостный. Но в перспективе он может стать целостным, поскольку разные диаспоры начинают эти свои геокультурные особенности «притирать» друг к другу, возникают разные взаимоотношения и взаимосвязи. Геокультурная ситуация изменяется, изменяется и культурный ландшафт, и всё это обоюдно: и ландшафт влияет на геокультуры, и они тоже начинают как-то подстраиваться под него.

С. С. Аванесов: В связи с этим такой вопрос: как мы должны понимать, что такое ландшафт. Допустим, часть этноса, который проживает в горах, перемещается на абсолютно плоскую равнину и, соответственно, культурный ландшафт как-то меняет под себя – в связи с тем, что переселенцы переносят свой менталитет на это новое место. Но ландшафт в физическом смысле они же не меняют, то есть среди сибирских болот не возникают горы. В каком же смысле мы говорим о геокультурном ландшафте? И является ли это понятие, а в конечном счете и понятия пространства, места и территории, – являются ли они физическими понятиями, или это антропологические, чисто культурные понятия? Являются ли, в том числе, физическими понятиями пространство и время, поскольку любая культура развивается не только в пространстве, но и во времени, это хроническое явление. Это физические параметры, то есть объективные, или это то, что отражает состояние культуры, состояние менталитета? Речь именно о времени и пространстве, куда мы можем включить и ландшафт в том числе.

Д. Н. Замятин: Мне так кажется, что мы должны вообще всегда говорить о единстве пространственно-временных ситуаций. Мы понимаем, что образы времени могут быть статичными – в виде озера или болота, могут быть динамичными – в виде речного потока. Опять-таки, это пространственные образы, как правило. Человек всегда субъективно видит пространство и переживает время (быстро оно летит или, наоборот, застывает). Я немного потерял нить беседы, поскольку Вы слишком много всего задали мне в своём вопросе...

С. С. Аванесов: Перенос ландшафта не означает же, что горы перемещаются в сибирские болота?

Д. Н. Замятин: Да, да, да. Я Вас понял. С моей точки зрения, очень важно, что ментальность всегда связана с материальностью. Это некое единство. Да, у нас, к

сожалению, вот здесь материальное наследие, здесь нематериальное наследие. В этом смысле я человек междисциплинарный, и мне немножко претит разделение на физическое место и социальное место, физическое пространство и социальное пространство. Для меня это некоторый нонсенс, поскольку в этом плане я – холист. Я считаю, что наши, Ваши, мои образы пространства, образы места едины в своей ментальности и материальности со всеми социальными, культурными, личностными и прочими соотношениями. И в этом плане, если какая-то, допустим, семья, род или личность перемещается с гор на равнину... Ну, во-первых, истории известны такие перемещения: на Северном Кавказе горцы постепенно спускались на равнину и осваивали территорию. В советское время, понятно, были эти перебросы людей туда-сюда. Да, на новом месте они пытаются воспроизводить прежние, традиционные уклады, но они разрушаются, как правило. Или встраиваются в совсем уже современные установки.

Модерн – это разрушение локальных представлений и установок. У нас это началось чуть ли не в глобальных масштабах в советский период. И на конец советского периода это были только фрагменты традиционных культур, их обломки. Локальные этнические культуры сохраняются и воспроизводятся только в тех регионах, где, собственно, они и зародились. Это, допустим, Кавказ. В советское время это Средняя Азия, естественно. Все остальные ситуации связаны просто с культурной мозаикой, сложившейся в результате перемещений трудовых ресурсов, часто насильственных.

Эти ситуации связаны также со сменой поколений: примерно два-три поколения люди ещё сохраняют некие память рода, память семьи, память о том, из каких мест они пришли (может быть, из какой местности, из какого локального сообщества, из какой деревни и так далее). Например, я встречался в Костроме с одной дамой. Она там директор частного музея. Её предки с Украины. Украинская деревня, откуда её предки (целое сообщество) переселилась в ходе сталинских реформ за Урал, куда-то в Омскую область, кажется. И вот она до сих пор сохраняет свои связи с этим, уже омским, сообществом. Они вместе отмечали столетие переселения. Представьте, это уже в постсоветское время. И они до сих пор сохраняют связи. Казалось бы, это традиционные связи, да? Но происходит это в ситуации постмодерна. При том, что это не горцы, они переселялись в горизонтальной плоскости.

Для меня это было удивительно. Я обращал внимание на то, что жители Москвы, с которыми я близко знаком (а моя локальная идентичность – вне Москвы, я не москвич), часто жаловались на то, что внутри Москвы невозможно обладать собственной идентичностью. Да, они родились в Москве, в том или ином районе, переселялись, может быть, из района в район. Но они не осознают в Москву своей родиной. То есть это люди без родины. В ситуации гигантского мегаполиса невозможно иметь свою родину. Это ситуация уже позднего модерна, распадающегося, с моей точки зрения.

Но при этом я ощущаю это состояние холистически, как целостность всех характеристик. Именно поэтому я не считаю себя, по большому счёту, ни географом, ни культурологом. Обычно получается, что я всегда либо свой среди чужих, либо чужой среди своих. Для географов я чужой, хотя у меня с ними хорошие отношения, честно говоря. То же самое – среди культурологов, но при этом у меня с некоторыми из них отличные отношения.

С. С. Аванесов: Понятно. То есть, если мы понимаем пространство холистически, как некое единство, имеющее разные аспекты, то для нас, скажем, понятие чисто физического пространства, как бы пространства вне-человеческого, – это некая абстракция, да? Это абстрагирование одного аспекта целого.

Д. Н. Замятин: Да.

С. С. Аванесов: Целого как настоящего, подлинного холистического единства того, что мы называем пространством. Совершенно верно. Вот вы говорили об ощущении человека, ощущении своего места в большом городе. Как вы думаете, почему зачастую горожанин, у которого вполне определённая регистрация, в определённом городе, фактически, феноменологически в этом городе не живёт. То есть он обитает по какому-то адресу. Сегодня по одному, может быть, завтра – по другому. Передвигается по определённому маршруту между домом и работой и обратно. Может быть, куда-то выезжает на выходные. Почему бывает так, что человек не ощущает себя живущим в этом городе целиком? Он как бы затерян где-то. Может быть, даже и неважно ему ощущать этот город целиком. Вот у него есть некие маршруты с адресами, этого достаточно. Это нормально? Этого часто же хватает для жизни, да? Или можно сказать, что это ситуация как бы ущербная, что человек лишь тогда живёт в городе, когда он воспринимает, ощущает его целиком? Ощущает своё присутствие в целом городе. Исторически, может быть, с ним связан. Как-то деятельно, может быть. Ещё как-то. Или это неважно?

Д. Н. Замятин: Нет, это важно. Почему? Я считаю, что, в любом смысле, это ущемлённая ситуация. По крайней мере, она сильно отличается от ситуации столетней давности. И действительно, значительное количество этих людей в нашем сообществе, они ущемлены. Особенно это в мегаполисах происходит. По маршрутам там полтора часа туда – полтора часа обратно. На работу, домой.

С. С. Аванесов: То есть жить в Москве и не быть москвичом – это распространённое явление?

Д. Н. Замятин: Да. А иначе невозможно. В Москве только станций метро 200–300. Ты понимаешь, что за всю жизнь по ним не походишь никогда, даже если сильно захочешь этим заняться. И в этом смысле, конечно, люди теряют локальную идентичность. Её в этих условиях не существует. Она, скорее, такая, я бы сказал, пан-локальная идентичность. Люди как бы вырезают из общего пространства некие сегменты: метро, машины и так далее. Это связано, конечно, и с возрастными категориями: молодые люди, делающие карьеру, готовы попадать в такую ситуацию, чтобы завоевать определённые социальные позиции и характеристики. Это важно для них. Но как только человек завоевывает эти позиции (квартиры, машины, ещё что-то в этом роде), то возникает ситуация, когда уже требуется второй дом, загород и так далее. Это некий цикл человеческой жизни. Но сейчас и эта ситуация уходит, как уходит постмодерн, заменяясь метамодерном (если можно так сказать). И эта ситуация как раз и связана с потерей локальной идентичности.

Допустим, лично я ощущаю тоску по классической городской обстановке, именно попадая в города среднего размера. Я некоторое время жил в Ярославле, работал там лет пять. Это город нормального формата. То есть это 600 тысяч населения максимум. Такие города ты ощущаешь целиком, ты, в принципе, везде охватываешь его своим взглядом, условно говоря. Ты можешь, в принципе, везде доехать или даже дойти до любого места в нём. Пешеходная доступность тоже очень важна. Поэтому, с моей точки зрения, такие города, сохраняя свои преимущества,

обладают определёнными важными культурными характеристиками. Это в нашей российской ситуации города с населением от примерно 150–200 тысяч до 600–800. Миллион – это граница. За миллионом уже всё заканчивается, нормальная жизнь заканчивается. Поэтому, живя Москве, я ощущаю себя нигде. То есть я знаю, что мне надо приехать туда-то или там поучаствовать в том-то там-то. Но, в принципе, это просто конкретные точки, конкретные маршруты.

Вторая ситуация – потребление центра в большом городе. Она связана с разным освещением, с сенсорикой. Ты можешь поехать в книжный магазин и заодно пройтись по улицам. И ты просто, так сказать, впитываешь пространство. В больших мегаполисах это необходимо для сенсорной поддержки. То есть необходимо просто куда-то поехать якобы зачем-то (за покупками, там, еще зачем-то, там с кем-то встретиться), но на самом деле ты просто впитываешь пространство. Это важно. И если бы в мегаполисе этого не было, тогда непонятно, для чего там жить, в принципе. Ну, да, там есть выставки, театры, ещё что-то. Ну, есть среды, да, есть профессиональные среды, человеческие, которые действительно очень важны. Но они, в принципе, не для мегаполиса. Они усложняют себе существование тем, что вам трудно доехать за два часа до нужного человека, который живёт в том же городе; вам очень сложно встретиться, и вы можете не встречаться год-полтора, живя в одном городе. Такое невозможно представить в городе поменьше, где люди сохраняют свои человеческие контакты.

С. С. Аванесов: Если вернуться к самоощущению человека в пространстве, то как Вы думаете, для человека, воспринимающего окружающую среду, важно ли не только то, какова эта среда и каково это место, но и где оно находится? То есть важна ли геолокация для самочувствия человека, или этим можно пренебречь? Если достаточно того, что я воспринимаю окружающую среду как комфортную, то мне не важно, это Таиланд, или Сербия, или Россия, или Германия, какая разница? Или это важно, чтобы вписаться в какой-то более крупный контекст? Или туда вписываться не нужно, достаточно ближайшего комфорта, достаточно оценки ближайшего окружения? Или этого мало, и поэтому нужна геолокация?

Д. Н. Замятин: Я думаю, что это зависит от установки человека. С другой стороны, у всех есть смартфоны, там геолокация, вы сразу установите, где вы находитесь, так что это не проблема для любого человека, который даже не особо этим интересуется.

С. С. Аванесов: Понятно, что это можно сделать. Но нужно это или не нужно?

Д. Н. Замятин: Опять-таки, это связано с конкретной личностью: когда какой-то человек едет, к примеру, в Таиланд на отдых, он знает конкретный курорт, который ему посоветовали. Что такое Таиланд, он может не знать вообще, для него это в принципе может быть неважно. Или, допустим, представьте, что меня приглашают в какой-нибудь, условно, университет Порт-Морсби, Папуа-Новая Гвинея. Я, конечно, представляю Миклухо-Маклая, но я вообще не представляю, что там происходит сейчас.

С. С. Аванесов: Людоеды.

Д. Н. Замятин: Да, да, и поэтому для меня это условно нигде. Там есть мой профессиональный интерес, и просто побывать там интересно. Но в принципе это нигде. А с другой стороны, если Вы или я едем в Венецию, то мы её чётко себе представляем и имеем образ этого города, даже если мы там никогда не бывали. Всё дело в нашем культурном горизонте, не более того. Есть люди, которым всё равно,

где просто отдохнуть, и если это Турция, то пусть будет Турция, а что там Турция, зачем Турция – это неважно.

С. С. Аванесов: Спасибо. И вот ещё такой вопрос в развитие темы идентичности: как Вы считаете, есть ли основания различать городскую идентичность и идентичность города? По-разному ли они определяются, кем они определяются, каким образом они определяются. Имею в виду, во-первых, то, к какому сообществу сам себя относит горожанин, включаясь в некоторое хроническое множество людей, живущих здесь, и, во-вторых, само это «здесь». Как определяется идентичность самого города во времени? Например, почему мы сейчас находимся в Великом Новгороде – в том же самом городе, в котором, скажем, в XI веке был построен собор Святой Софии. Почему это тот же самый город? Есть ли разница между идентичностью горожан (отнесением их к определённом сообществу) и идентичностью города (его равенства самому себе во времени)?

Д. Н. Замятин: Я думаю, это разные вещи. Городские идентичности связаны с конкретными локальными сообществами – профессиональными, районными и так далее. В Великом Новгороде чуть больше 200 тысяч жителей; я думаю, что тут можно обнаружить 2–3 отдельные городские идентичности. Но не более. Это связано и с профессиональной установкой, и с локальной внутри города.

Но идентичность города, вы правильно заметили, это нечто более протяжённое, более дистанцированное, более абстрактное, растягивающееся часто на представление о его истории. Обе идентичности накладываются друг на друга, но не равны друг другу. То есть это две окружности, они пересекающиеся, но всегда несовпадающие. И те или иные городские сообщества могут сильно дистанцироваться от идентичности города, а другие, наоборот, стремятся совместить свою идентичность с идентичностью города, сделать их тождественными. В разные эпохи это может быть по-разному. Допустим, в советскую эпоху продвигался образ Новгорода как вольной (или условно-вольной) республики, хотя он по большому счёту никакой республикой не был. А вот какие-то там князья – они нехорошие, классово чуждые, они не продвигаются. При этом неважно, как было дело. Важна продвигаемая идея, обосновывающая определённую идентичность города.

С моей точки зрения, в каждую историческую эпоху возникают различия между локальной городской идентичностью и идентичностью города. Они могут либо сильно расходиться, либо, наоборот, сближаться, почти совпадать, однако не могут быть полностью тождественным друг другу. И эти движения определяются, конечно, разными направлениями как внутренней, так и внешней политики.

С. С. Аванесов: Поэтому очень важно, наверное, уметь связывать идентичность города с его образом, который формируется, может быть, довольно длительное время, но который присутствует в сознании тех людей, которые относят себя к городскому сообществу, связанному именно с этим городом. Сам город, может быть, горожанину эмпирически не дан, особенно если город большой, он всегда дан ему как-то фрагментарно. А вот на уровне образа можно понимать, что это за город, все его фрагменты складываются в какую-то целостность прямо сейчас. А на более высоком уровне в каждую эпоху каждый образ города представляет собой какие-то изводы, варианты этого общего как бы супер-образа, который еще и в будущее продлён.

В этой связи, когда говорят о такой идентичности – и городской идентичности, и идентичности города, – очень часто в последнее время все, кому не лень, и даже

те, кому лень, используют термин «культурный код» для того, чтобы что-то объяснить в этой сфере. Термин этот используется совершенно различным образом, очень часто его границы плавают, и зачастую он фигурирует в виде метафоры в том или ином дискурсе. Как вы относитесь к этому термину? Он вообще уместен, неуместен, требует ли своего прояснения, для чего он нужен? То есть является ли он каким-то таким продуктивным термином для понимания того, что связано с городской идентичностью и идентичностью города; либо это какой-то совершенно лишний термин, и можно всё объяснить теми словами и понятиями, которые уже давно известны?

Д. Н. Замятин: Я, может быть, вас огорчу, я не люблю терминологию, связанную с темой кода. Потому что на протяжении своей научно-личной истории я неоднократно сталкивался с понятием кода: «геополитического», «культурного», «городского»; сейчас термин «дизайн-код» используется в проектировании городов. Я к этому отношусь плохо, потому что код – это очень жёсткая семиотическая ситуация, связанная с совершенно чётким соотношением по каким-то правилам и алгоритмам, где одна какая-то группа соотносится с другой.

С. С. Аванесов: Судя по всему, это позиция Бахтина, согласно которому код имеет жёсткую семиотическую функцию.

Д. Н. Замятин: Да, но я-то скорее схожусь на позиции нечётких множеств, и это как-то накладывается у меня на понятие геокультуры. Это значит, что для определённых городов (если мы говорим о городах) всегда есть некие геокультурные ограничения, связанные с тем, что у них есть определённая история, определённая территория, ландшафт. Да, опять-таки, исторически развивающийся, предполагающий знаковую архитектуру и так далее, и так далее. И в этом смысле кодовые ограничения плодотворны, но надо понимать, что они могут изменяться и по-разному трансформироваться. Их можно «пробивать», их можно «съесть» аккуратно, «перерабатывать» и двигаться дальше. Возможны разные стратегии по отношению к этим геокультурным особенностям и основаниям. С моей точки зрения, всегда важна геокультурная уникальность. Брендирование либо стратегии развития важны, и они, в принципе, изучаются достаточно, подробно, хорошо и понятно. Всегда есть история, есть краеведение, есть знаковые фигуры для определённого места и так далее. Здесь всё понятно. А код? Ну да, все знают, что такое код... Но я лично, извините, не очень хорошо к этому отношусь, мне это, честно, в общем-то не очень нравится.

С. С. Аванесов: А вот эта тема брендирования территорий связана с таким вопросом: в норме, казалось бы, брендирование – это просто публичная акцентуация каких-то локальных культурных, ландшафтных, исторических особенностей, выведение гениев места на первый план. Но это в норме. А не может ли подчас сама процедура брендирования быть использована, скажем, для производства искусственной, выдуманной, фантастической, ложной идентичности? Особенно в тех случаях, когда современные горожане считают, что им нечего показать миру в плане собственной уникальности, и тогда можно её изобрести, для Мышкина изобрести мышку. И тогда не получается ли, что сам этот инструмент брендирования – это способ навязывания городу или региону какой-то выдуманной, искусственно сконструированной, не естественным образом выросшей, а такой вот придуманной, по сути чужой идентичности? Это хорошо или плохо?

Д. Н. Замятин: Ну, бывают разные ситуации; я к этому отношусь достаточно мягко, условно говоря, как специалист. Случай Мышкина, мне кажется, – нормальный случай; да, используется этимология топонима, ну, и ради Бога, это была удачная находка, молодцы, что сделали, хотя связь города с мышами не очень понятна.

Был случай, где-то, по-моему, в Мурманской области: в небольшом городке на границе, который не обладал особым основанием для брендинга, просто изобрели фестиваль воздушных шаров, и он несколько лет там проводился успешно. Никакого отношения шары, естественно, не имели к истории города, но как-то был создан такой миф. Я предполагаю возможные ситуации, когда в условиях бедной истории создаются мифы; если они оказываются удачными, они приживаются и работают.

С. С. Аванесов: И тогда они становятся частью истории этого города?

Д. Н. Замятин: Да, становятся частью истории.

С. С. Аванесов: И поэтому они не искусственные.

Д. Н. Замятин: Да, поэтому они органично (если оказывается, что сообщество их принимает) вживляются в местную историю и становятся элементом геокультуры. Ведь геокультура же не статична. Она трансформируется, развивается, и бывают разные направления развития. Но случаи, которые преобладают у нас, – это когда в город приезжают какие-то внешние команды, которые по заказу, собственно, за деньги, делают какой-то бренд, который благополучно внедряется. То есть это какие-то дизайн-коды, там должны ездить автобусы с логотипами, там должен быть транспарант, ну, и на этом всё заканчивается. В этом смысле брендинг, конечно, должно чётко уживаться с геокультурой города, места, иметь основания для развития не только с точки зрения властных структур, но и сообщества, которое в этом заинтересовано; должно быть взаимодействие власти, бизнес-сообществ, локальных сообществ и так далее. Тогда, в принципе, это работает, но в наших условиях пока таких ситуаций не очень много, если не сказать, что мало.

С. С. Аванесов: А как вы думаете, вот в этом процессе самосознания, выработки идентичности, какой-то символики, связанной с идентичностью, брендингом городов и, в принципе, в организации городского пространства, – какую роль во всём этом играют или должны играть университеты, особенно в городах некрупных? Как вы думаете, роль университета в чём должна состоять?

Д. Н. Замятин: Тут у меня две точки зрения; даже не точки, а две позиции. Университеты во всём мире испытывают очень глубокий кризис, очень сильный кризис в связи с тем, что это институции, возникшие в самом преддверии модерна. Ну, конечно, в европейском смысле (не берём случай Византии). Если мы имеем в виду западные университеты, то они возникают и начинают активно развиваться в развитом Средневековье, так сказать, в преддверии модерна. Второй момент: университеты были связаны с монастырями. То есть христианская Церковь, собственно, и создала науку в её западном понимании. Это у К. Свасьяна очень хорошо описано. Это были достаточно изолированные места, где сохранялась учёность, письменность. Возникает круг учеников вокруг каких-то выдающихся учёных монахов, и потом постепенно он развивается в ассоциацию учёных. Потом они, пока для них есть папа, становятся богословскими центрами и так далее. Кризис университетов начинается уже где-то к концу XX века, когда они резко расширяются. То есть они перестают быть институциями ограниченными, свободными и основанными на, грубо говоря, некоем добровольном изучении каких-то вещей, которые

важны для сохранения и передачи культуры. И это очень важный момент для понимания того, что делать университетам. С моей точки зрения, они в глубоком кризисе. И на Западе это знают очень давно. С конца XX века вышло огромное количество работ о кризисе университетов, о том, что с ними происходит. Ведь людей, учащих в университете и выходящих из него, очень сложно назвать учёными в точном смысле. В большинстве случаев на Западе это признают. Да, есть ещё какое-то элитарное образование, но это другой вопрос.

С моей точки зрения, университеты, как они существуют сейчас, конечно, будут трансформироваться. И возможно, один из путей трансформации будет связан с культурной миссией университета. Культурная миссия реальна, когда университет чётко осознаёт то место, в котором он находится. И особенный случай России, кроме того, состоит в том, что университеты создавались государством, это некое насаждение сверху, тогда как на Западе был другой путь: они создавались путём ассоциативным. Да, потом, естественно, там действовали церковные власти, потом государственные, но они приходили уже на место, на которое изначально пришли заинтересованные люди. Это были частные учителя, которые объединялись в ассоциации; потом уже возникало всё прочее.

Российская ситуация, как мы знаем, несколько иная. Но что здесь важно? Что я считаю идеальным и чему я просто очень рад, – это то, что я попал сюда¹, потому что изначально учёность – это монастыри. Вот вы и находитесь внутри монастыря, да, пусть полуразрушенного, так сказать, чуть-чуть приостановившегося... Но я долго разбирался с этим местом. Там походил по всем дорожкам, вышел по тропинкам к берегу Волхова. Походил, и мне здесь хорошо. Почему хорошо? Потому что у меня есть ощущение, что здесь есть некий дух места, связанный с монастырём, с предыдущей деятельностью, который, несмотря ни на что, всё равно здесь как-то присутствует. Можно было бы чуть лучше освоить эту местность, сделать ландшафтный дизайн, но это не обязательно, и так хорошо. Я вижу, как люди ходят по дорожкам «по-философски», по одному, по двое, и для них это важно. В Москве такое просто невозможно, а тут люди могут спокойно, так сказать, дистанцироваться от всех напряжённых ситуаций. И, с моей точки зрения, одна из миссий университета (может быть, основная) – это геокультурное возвращение в том месте, в котором он находится.

Но университет при этом должен и сам трансформироваться. То есть, с моей точки зрения, он не может быть массовым, как у нас водится; он должен быть локальным с точки зрения понимания геокультуры территории и ассоциирования себя с этим местом – путём, в том числе, создания соответствующих программ. Требуется понимание духа места для конкретных программ, которые важны не только, может быть, для этого места, но и для других городов, территорий и так далее. То есть это создание локальных научных и образовательных программ, которые интересны не только этому месту, этой территории, но, возможно, и другим территориям, где, как вы предполагаете, есть типологический интерес подобного рода. Вот, в частности, как в вашем случае: изучение исторического города, я считаю, очень важно. Наверное, это не случайно произошло в Великом Новгороде (со временем, может быть, это и будет осознано), потому что здесь глубокая городская основа с

¹ Интервью записано в научно-образовательном центре «Гуманитарная урбанистика», находящемся в здании бывшей Новгородской духовной семинарии на территории бывшего Антониева монастыря.

тысячелетней историей. И она именно гуманитарная. Не случайно Вы создали Центр и открыли эту программу не в Томске, а именно в Великом Новгороде. И в данном смысле это правильный ход. Бывают города-музеи (Суздаль), города-университеты есть в Европе, а тут надо просто подумать о неких иных названиях, неких других геокультурных параметрах, с моей точки зрения. Но в любом случае это не массовый способ организации науки и образования, не площадной, как у нас водится, а вот именно такой, локальный.

С. С. Аванесов: То есть надо увлекаться не количеством, да?

Д. Н. Замятин: Да, да, да.

С. С. Аванесов: Не экспансией.

Д. Н. Замятин: Да, это самое худшее, что может произойти. Вот как в Высшей школе экономики: мы начинали с достаточно элитарной программы по урбанистике – «Управление городским развитием», обучали всего 20 человек. Сейчас произошло расширение, но это бессмысленно, потому что в результате падает общий уровень подготовки.

С. С. Аванесов: Не потому ли это происходит, что утеряно понятие о миссии университета? Да, мы видим, что любой университет обязательно излагает собственную миссию на своём сайте, но при этом она звучит как цель. То есть миссия университета, как будто, – это увеличивать количество образованных граждан. Но это скорее цель, которой мы стремимся достичь, и эта цель может быть выражена количественно. Мы обучили больше, ещё больше, ещё больше, у нас 100 программ, а через 5 лет у нас уже 200 программ и так далее. Это скорее работа по целям. А миссия – нечто более глубокое, более фундаментальное, чем цель; она связана с ценностью, в том числе и с ценностью вот этой локальной культуры, умением её сохранять, передавать, транслировать, актуализировать, встраивать в современность и делиться с другими. Разве такая миссия измеряется количеством программ или выпускников? Скорее, миссия университета – это непрерывное окультуривание того пространства, в котором мы оказались.

Д. Н. Замятин: Вот и понятно, почему я возвращаюсь к этому месту, к Антонову, да? Понятно, что тут есть и вот эти советские здания, они как бы никакие, но дух ландшафта всё же есть. Что бы происходило вот с этим местом, будь оно расположено, скажем, в Италии? Тут поработал бы выдающийся архитектор, который обеспечил бы сращивание архитектурных остатков монастыря с университетскими зданиями. И на этой территории был бы выдающийся университет, тут были бы прекрасные небольшие корпуса, не выше этих двухэтажных, монастырских. Это, кстати, хорошее семинарское здание. В Ярославле у нас пединститут тоже в такой же примерно семинарии: классное здание с высокими потолками. Тут был бы отдельный великолепный знаковый корпус, в котором работали бы приглашенные учёные, проходили бы конференции высокого уровня. Вот таким должен быть университет.

С. С. Аванесов: Дмитрий Николаевич, большое спасибо за интервью. Спасибо за ваши мысли, всё это очень интересно, актуально и важно. Я надеюсь, что наша совместная работа поможет и нашим университетам в дальнейшем развиваться по более продуктивному пути, ориентируясь на фундаментальную культурную миссию. Спасибо большое.

Д. Н. Замятин: Спасибо Вам, очень рад был пообщаться.

Информация об авторах

Дмитрий Николаевич Замятин
 доктор культурологии
 главный научный сотрудник
 Национальный исследовательский университет
 «Высшая школа экономики»
 Российская Федерация, 101000, Москва,
 ул. Мясницкая, 13
 ORCID: 0000-0003-4105-8519
 Web of Science ResearcherID: Q-1585-2016
 Scopus AuthorID: 6506976869
 e-mail: dzamyatin@hse.ru

Сергей Сергеевич Аванесов
 доктор философских наук, профессор
 директор научно-образовательного центра
 «Гуманитарная урбанистика»
 Новгородский государственный университет
 имени Ярослава Мудрого
 Российская Федерация, 173003, Великий Новгород,
 ул. Большая Санкт-Петербургская, 41
 ORCID: 0000-0002-1081-4871
 Web of Science ResearcherID: V-5869-2018
 Scopus AuthorID: 55270461000
 e-mail: iskiteam@yandex.ru

Information about the authors

Dmitry N. Zamyatin
 Dr. Sci. (Cultural Studies)
 Chief Research Fellow
 National Research University
 “Higher School of Economics”
 13, Myasnitskaya St., Moscow, 101000,
 Russian Federation
 ORCID: 0000-0003-4105-8519
 Web of Science ResearcherID: Q-1585-2016
 Scopus AuthorID: 6506976869
 e-mail: dzamyatin@hse.ru

Sergey S. Avanesov
 Dr. Sci. (Philosophy), Professor
 Director of the Research and Educational Centre
 for Humanitarian Urbanistics
 Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
 41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St.,
 Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation
 ORCID: 0000-0002-1081-4871
 Web of Science ResearcherID: V-5869-2018
 Scopus AuthorID: 55270461000
 e-mail: iskiteam@yandex.ru

Материал поступил в редакцию / Received 03.10.2024
 Принят к публикации / Accepted 05.11.2024